

like
book

НОВА РЕК СУМА

17

ПОТЕРЯННЫХ

МОСКВА
2018

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
С89

Nova Ren Suma

17 & GONE

Copyright © 2013 by Nova Ren Suma

Перевод с английского *О. Солнцевой*

Художественное оформление серии *Сергея Коваленко*

Сума, Нова Рен.
С89 17 потерянных / Нова Рен Сума ; [пер. с англ. О. Солнцевой]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-04-092381-6

У Лорен Вудман необычный талант — видеть пропавших людей. Их образы настигают ее неожиданно и остаются в памяти навсегда. Когда она впервые заметила на столбе возле дороги потрепанное объявление с надписью: «ПРОПАЛ ЧЕЛОВЕК», то сразу поняла — беспокойство, что не давало ей жить последние дни, было вызвано им. Имя пропавшей Эбби Синклер, ей семнадцать лет. По загадочным причинам она покинула летний лагерь после отбоя и больше не возвращалась. Лорен чувствует: она обязана помочь Эбби и узнать, что произошло с ней на самом деле. Но есть одна загвоздка — окружающие уже давно решили, что шансов на это нет.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-04-092381-6

© Солнцева О., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

*Моей маме,
которая помогла столь многим*

*И Эрику,
который нашел меня,
когда мне было восемнадцать*

Девушки пропадают каждый день. Они выбирают из окон спален и проскальзывают в какие-то странные машины. Оставляют прощальные записки или же не имеют возможности сделать это. Пересекают границы. Ловят попутки, сидят, сжавшись, на переполненных задних сиденьях на чьих-то услужливых коленях. Сворачиваются в клубочки и принимают полусогнутое положение или же встают в полный рост с победными криками в автомобилях с откидывающимся верхом. Девушки строят планы уехать, но, бывает, уезжают, не имея такого намерения, и иногда люди путают одно с другим. Некоторые девушки брыкаются, и визжат, и выцарапывают глаза тем, кто не позволяет им остаться. И есть девушки, которые не добираются туда, куда едут. Они исчезают. Неизвестно, чем они кончают, никто не знает их историй. Девушки пропадают, и я единственная, кто видел их.

Я знаю их имена. Знаю, где их настигает конец — в месте, кажущемся столь же бесформенным и бездонным, как старый колодец в заброшенных владениях за пределами Холлоу-Милл-роуд, поглощающий городских собак.

Я хочу рассказать всем об этих девушках, о том, что происходит с ними, хочу предупредить, хочу, чтобы их

8 *Нова Рен Сума*

начали искать. Я тоже буду искать их, если буду знать, что кто-нибудь да поверит мне.

Есть такие девушки, как Эбби, которые уехали в ночь. И девушки, подобные Шьянн, — они убегают от своих мучителей и продолжают бежать. Девушки, подобные Мэдисон, садятся в автобус, идущий в город, с номером телефона в кармане и сиянием звезд в глазах. Девушки вроде Элизабет садятся в чужие машины, даже если понимают, что делать этого нельзя. Таких девушек, как Трина, искать не будут, о них никогда не узнает полиция, потому что никто не станет заявлять о том, что они пропали.

Сегодня может пропасть еще одна девушка. Она натянет на лицо шарф, чтобы защититься от холода, и примется шарить в кармане ключи от машины, чтобы они были наготове, когда она подойдет к ней на тесной автостоянке. Быстро проходя мимо близлежащего ресторана, она заглянет в его яркие, сверкающие окна. А затем, когда она пропадет из поля зрения прохожих, ее схватят руки-тени, и она исчезнет с тротуара. От нее останется один-единственный след — шерстяной шарф в полоску, оброненный на черное ледяное пятно, его переедет мчащаяся машина, утащив за собой на колесах с зимней резиной, и тогда не останется и шарфа.

Я могу быть не права.

Скажите, что я не права.

Скажите, что не было никаких рук.

Потому что иногда я верю в то, что могу смотреть на какую-нибудь девушку — скажем, на девушку из читального зала, старающуюся прорваться сквозь задание по тригонометрии и лихорадочно рисующую на полях каракули, потому что она ненавидит математику,

а потом на секунду отворачиваюсь. А когда хочу снова обратить на нее свой взгляд, оказывается, на стуле, где она сидела, никого нет, а тригонометрическая задача растворилась в воздухе. И все дело в том, что я никогда больше не увижу эту девушку. Она пропала.

Мне кажется, что все проще некуда. Ни борьбы, ни возможности остановить время — в эту секунду она здесь, в следующую — ее нет. Так обстояло дело с Эбби — и с Шьянн, и с Мэдисон, с Элизабет, Триной и другими. И я не сомневаюсь, что так будет и со мной.

ПРОПАЛ ЧЕЛОВЕК ЭБИГЕЙЛ СИНКЛЕР

КАТЕГОРИЯ ДЕЛА: Побег, возможна угроза для жизни

ДАТА РОЖДЕНИЯ: 20 июня 1995 года

ПРОПАЛА БЕЗ ВЕСТИ: 2 сентября 2012 года

ВОЗРАСТ: 17 лет

ПОЛ: Женский

РАСА: Белая европеоидная

ВОЛОСЫ: Темно-русые

ГЛАЗА: Карие

РОСТ: 5 футов 7 дюймов (1 м 74 см)

ВЕС: 120 фунтов (54 кг)

ПРОПАЛА ИЗ: Орэндж-Терраса, штат Нью-Джерси, США

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ИСЧЕЗНОВЕНИЯ: Сообщается, что Эбигейл, которую чаще называют сокращенным именем Эбби, пропала 2 сентября, но в последний раз ее видели 29 или 30 июля на территории летнего лагеря для девушек «Леди-оф-Пайнз» в районе Пайн-

10 *Нова Рен Сума*

клиффа, штат Нью-Йорк. Она выехала с территории лагеря на синем велосипеде фирмы «Швинн» после отбоя в девять часов вечера. На ней могли быть красные шорты и майка вожатой лагеря. Особая примета: проколот нос. Ее семья утверждает, что она не вернулась в Нью-Джерси.

ЕСЛИ У ВАС ЕСТЬ КАКАЯ-ЛИБО ИНФОРМАЦИЯ О НЕЙ, ПОЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Отделение полиции Пайнклиффа (Нью-Йорк)
1-845-555-1100

Отделение полиции Орэндж-Терраса (Нью-Джерси)
1-609-555-6638

1

Ее имя Эбигейл Синклер, у нее темно-русые волосы, карие глаза, ей семнадцать лет, живет в Нью-Джерси, — но я зову ее Эбби. Я нашла ее на обочине дороги, в разгар зимы, спустя несколько месяцев после того, как она пропала.

История Эбби началась в сосновых борах, окружающих мой родной город. Вслед за летом пришла осень, жара спала, и никто ничего по-прежнему не знал о ней. Мир снов был совсем близко от земли, на уровне облаков, но их дымно-серые легкие словно скукожились от болезни, и никто не поднимал глаз, чтобы взглянуть вверх. Выпал снег, ошестинившиеся деревья дрожали на ветру, стараясь поделиться своими секретами, но никто не удосуживался выслушать их. Пока этого не сделала я.

Я была вынуждена остановиться. Мой старый фургон заставил меня сделать это: будто кто-то покопался в его моторе, в расчете на то, что он все равно дотянет по подъездной дорожке до главного отрезка пути, до того места, где перешептываются между собой сосны, и там заглохнет, и я застряну на середине, не добравшись до цели.

Я ездила по этой дороге практически каждый день: в школу и в «Шоп эн Сейв» — супермаркет на окраине

Пайнклиффа, где расставляла товары на полках и работала на кассе по субботам и раза два на неделе днем. И, ничего не зная, проезжала то место, где старая автомагистраль встречается с шоссе 11, сотни раз. Не замечая ее там.

Увидела я ее через несколько минут после того, как заглох мотор моей машины — словно с крутой насыпи в нашем железнодорожном городе тем утром в середине декабря сошел туман.

Эбби Синклер. Там, на перекрестке. Нет, она не стояла, выставив вперед большой палец правой руки, ее волосы не трепал ветер, а голые коленки не были багровыми от холода — все началось не так. Впервые я увидела Эбби на фотографии: ее школьной фотографии, наклеенной на телефонный столб.

Когда загорелся зеленый свет и машины пришли в движение, я осталась стоять на месте. Я сделала это, потому что увидела висевшее через дорогу потрепанное непогодой объявление, на котором был запечатлен черно-белый образ Эбби — у нее надо лбом жирным шрифтом было напечатано всего два слова: ПРОПАЛ ЧЕЛОВЕК.

Помню, как сквозь пелену, что машины гудели и пытались объехать мой фургон, некоторые водители осыпали меня проклятьями, если им это удавалось. Помню, что не могла сдвинуться с места. Мотор фургона не заводился, а мое тело, руки и ноги были словно скованы. Зеленый свет сменился желтым — тот помигал-помигал, а потом зажегся красный. Я узнала об этом только потому, что увидела танцующие отблески светофора на руле, который крепко сжимала обеими

руками, и мои костяшки — зеленые, затем желтые — снова становились красными.

Впереди меня, рядом с развилкой старой магистрали, кучка сосен всю сражалась со злым ледяным ветром. Деревья пригнулись к земле из-за падавшего много недель снега, но, не в силах оставаться неподвижными, качали стволами и ветками. Земля между ними и дорогой была белой и нетронутой, не замаранной ни единым следом. Посреди них стоял столб, а на нем, как на голой стене галереи, проступало лицо пропавшей девушки.

Я распахнула дверцу фургона, оставила ключи в замке зажигания, рюкзак на переднем сиденье и побежала к соснам. Какой-то грузовик резко затормозил; пронзительно засигналил. Машина чуть было не мазнула меня колесами, но я поменяла направление и успела увернуться от бампера. С трудом сообразила, что прямо позади меня остановилась желтая громадина — школьный автобус, на каком я ездила до того, как получила права и накопила на старый фургон, — но в тот самый момент я всеми силами стремилась к столбу.

Желая приблизиться к нему, я рванула по глубокому снегу. Объявление было старым. В последний раз девушку видели уже очень давно. Это была не первая копия ее фотографии, и с каждым новым отпечатком детали искажались все сильнее, так что лицо на выцветшем и заляпанном снегом листке можно было принять за чье угодно, за любую девушку.

Я хочу сказать, что она вполне могла не иметь ко мне никакого отношения. И у меня было полное право оставить ее в тот холодный день пригвожденной к столбу и никогда больше в жизни не вспоминать о ней.

Но при этом я почему-то чувствовала, что она не одна из многих незнакомых мне девушек. В голове что-то брезжило, казалось, я вот-вот ее узнаю, и потому даже не ощущала холода. Прежде подобное чувство было мне незнакомо. И я знала — мне предназначено найти ее.

Объявление содержало одни только факты. Ей было семнадцать. Мне исполнилось столько же неделю назад. Она пропала из какого-то летнего лагеря, о котором я никогда не слышала, хотя он находился поблизости, в районе Пайнклиффа, рядом с тем местом, что смотрело на холодный серый Гудзон с крутого холма, на котором расположен наш город. Летний поезд, идущий вдоль реки, останавливается здесь почти каждый час днем и проносится мимо ночью. Летний лагерь наверняка был где-то рядом.

Я сорвала страницу со столба, отодрав скотч, на котором она держалась и который был обернут вокруг столба несколько раз — чтобы не дать девушке упасть лицом в снег или же быть унесенной потоком выхлопных газов и пропасть в потоке машин, направляющихся к магистрали. Именно эта прозрачная лента уберегла объявление от полного уничтожения на протяжении нескольких месяцев, но благодаря ей было также практически невозможно сорвать его со столба.

Когда я снова пересекла перекресток — машины гудели еще сильнее — и добралась до своего фургона, то увидела, что Добрый Самаритянин (или же какой-то урод, маскирующийся под Доброго Самаритянина) остановился рядом со мной на обочине, чтобы предложить свою помощь. С двигателем машины было явно что-то не в порядке — возможно, пришел в негодность вентиляционный ремень, и струя серого дыма

ударяла этому уроду в лицо, а потом поднималась вверх, и негодующее небо готовилось в ответ разразиться новым снегопадом. Потом приехал эвакуатор, оказавшийся слишком дорогим для меня, и я целый час просидела на грязном складном стуле в глубине гаража, потому что ждать на улице было слишком холодно. И только после того как мой фургон починили и я с опозданием поехала в школу, я смогла улучшить момент, чтобы в одиночестве повнимательнее рассмотреть листок.

Я ничего не рассказала об этом Джеми, или Дине, или кому-либо еще. Не хотела никому рассказывать. Это было мое открытие, и я хотела оставить его при себе.

Сердце мое билось неровно — почти так оно бьется и сейчас. Словно дополнительный глухой удар вклинивался в обычный ритм, и я начинала думать, что в фургоне бьются два сердца.

Так оно и было — но сначала я этого не знала. Все это произошло еще до того, как я поняла, что *она* едет вместе со мной.

2

Я припарковалась на стоянке для выпускников, хотя выпускницей не была, выключила мотор и сидела в фургоне с ним в руках. С объявлением. Его бумага была такой же холодной, как и мои пальцы, так что я ничего не чувствовала.

Я постаралась разгладить бумагу, пристроив ее на руль — ликвидировать, насколько это было возможно, разрывы и помятости на ее лице, чтобы изучить сведения о ней.